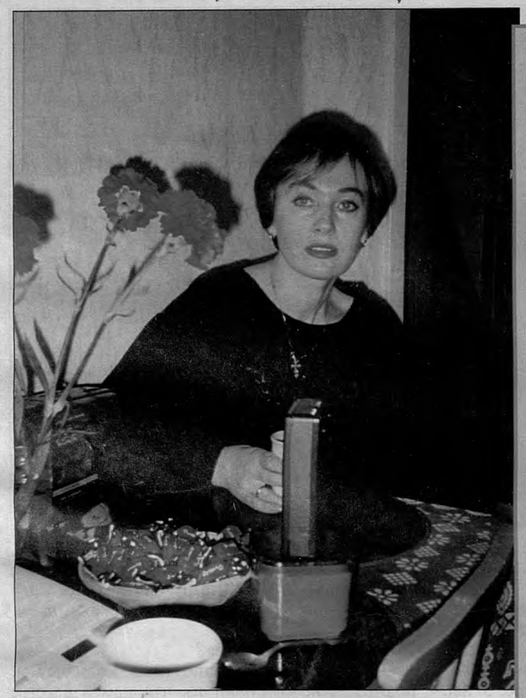
Семь дней — 1996 — 11–17 марта — с. 5–7.

Лариса Гузеева



Юго-Западная окраина Санкт-Петербурга. Типовой десятиэтажный кирпичный дом. Крохотная, но изумительно чистая и уютная однокомнатная квартирка. Посреди комнаты, на горе мягких игрушек, рядом с «Тигрой — лучшим другом Винни-Пуха», держа в руках сразу три игрушечных автомобиля, широко открыв глаза и завороженно глядя на экран телевизора, сидит «глава» этого маленького царства — четырехлетний Георгий, сын замечательной актрисы, обаятельной и красивой женщины — Ларисы Гузеевой.

— Лариса, как тебе живется в этой маленькой квартирке?

— Я люблю свой дом. Мне здесь хорошо, комфортно. В трех минутах ходьбы от нас парк «Сосновая поляна», там гулять с ребенком одно удовольствие. А по моей, как ты говоришь, «квартирке», между прочим, Георгий на велосипеде катается...

Неужели ты думаешь, что я не могла бы иметь квартиру в центре? Но где там гулять детям? И чем дышать летом, если нет дачи? А транспортные проблемы меня не волнуют. У меня масса «омашиненных» друзей, на съемки за мной присылают машину, а «в город» я выезжаю только за продуктами.

В еде мы неприхотливы, особенно Георгий. Мы с ним недавно ездили в Польшу на фестиваль. Так все дети едят деликатесы, а мой ребенок каждый день — макароны или картошку жареную. Даже обидно иногда было...

А я ем все... Особенно обожаю поесть в гостях. Мой муж меня иногда стесняется. Идем с ним куда-нибудь в гости, а он мне говорит: «Лар, не обижайся, пожалуйста, но поешь дома, а?»

— А как же фигура?

— Ну, я же всю жизнь занимаюсь ею. Один раз для роли мне пришлось лечь в больницу на «похудение». Я тогда весила «целых» 56 килограммов, а надо было 48. Так врачи в больнице приняли мое обращение к ним как личное оскорбление...

И потом, жить в наших условиях, с нашей экологией и климатом, да еще и не есть мяса?! Жалко мне этих актрис несчастных, которые едят только морковку. Что они после этого за бабы? А мужики еще хуже. Ненавижу мужиков, которые слишком себя любят и слишком следят за своим здоровьем. Мужчины должны есть мясо! И вообще мне больше импонируют те, кто и рюмочку пропустит, и сигаретку выкурит.

— А как соседи реагируют на тебя? Узнают?

— Молодые мамаши меня знают давно. На прогулках мы говорим о воспитании детей. Не люблю, когда меня пытаются обмануть продавцы, и реагирую на это, как и положено нормальному темпераментному человеку. Многие местные жители на меня даже злятся за то, что я не соответствую их представлениям о «звезде». А почему я должна быть другой?.. Я нормальная русская женщина и делаю все сама. Вот недавно купила стиральную машину-автомат и счастлива.

— Лариса, ты ведь не из Питера?

— Уральская я. До 17 лет жила в Оренбурге. Моя мама работала учительницей — в две смены, чтобы дочку, будущую артистку, одевать. Я ее почти не видела. Поэтому и не отдаю Георгия в детский сад. Самый лучший воспитатель для моего ребенка — мое сердце.

— А в артистки когда решила пойти?

— Да меня в них прочили с самого рождения. Сейчас модно говорить, что кинозвезды и манекенщицы «в детстве были уродинами с жуткими комплексами, были похожи на лягушек и жаб». Это как бы потом они все вдруг стали красавицами... Так вот я была очень хорошенькой.

— Мальчишки небось все твои были?

— Нет, мальчишки меня не очень любили. У мальчишек на Урале другие вкусы, там нужен шестой номер бюста, белые волосы, крутые бедра... А я была похожа на вороненка: черненькая, худенькая, заводная... Я, конечно, кривлялась, пела, танцевала... Но, как ни странно, училась хорошо. А учителя мне все равно не доверяли: «артистка, сами понимаете», «толку не будет». Как крест ставили. Раз красивая — значит, бездарная. У нас же красоту-то женскую никогда не понимали и не ценили. Кто у нас в кино героини-то? Раз красавица — значит, или воровка в магазине, или проститутка, или зав. складом. Обязательно человек порочный. А вот если уродина страшная — значит, «в ней есть что-то... наверное, талант»...

— Значит, в детстве пришлось повоевать за свою красоту?

— За какую там красоту? В детстве, по глупости, все легко. Страдания приходят гораздо позже — когда начинаешь во что-то вникать. А тогда мне казалось, что эта моя дурь — норма...

— Ну, так закончила школу и сразу решила — в артистки?

— Нет, я хотела стать журналистом... Хотя у меня было много желаний: всегда хотела быть начальником, быть самой-самой лучшей, и чтобы все у меня были подчиненными. Очень любила командовать.

— Как произошла встреча с Рязановым? Легенд существует много...

— У нас в ЛГИТМИКе шел дипломный спектакль «Фанфан-Тюльпан». Рязанову сказал обо мне Шакуров. Слава Богу, что у меня хватило ума не отказаться от роли. Если бы отказалась — неизвестно, может, работала бы до сих пор в Сыктывкарском драматическом театре...

Меня много приглашали сниматься — без проб, по телеграфному согласию. Заочно утверждали на роли... А я, дура, отказывалась. Меня и распределили в Сыктывкарскую драму, к тому же в дипломе были тройки по политэкономии и истории партии... Я пришла в деканат и сказала, что это несправедливо, положила все телеграммы на стол декана и попросила свободный диплом.

Мои однокурсники теперь кто на Севере, кто в Сибири... Конечно, у меня счастливая актерская судьба. Без трагедий, слава Богу. Я не зарабатывала «потом и кровью». Не работала... в Казахстане.

— А в театр так никогда и не вернулась?

— Знаешь, всему свое время. Существуют какие-то биологические часы. Это, наверное, как после сорока рожать ребенка. Мне страшно... играть зайчиков на Новый год и чему-то страшилка какая-то... Хотя и я могу быть страшной, как собака, даже особо стараться не надо. Что совершенно, кстати, меня не расстраивает, а наоборот...

— Ну, а как ты относишься к участию в рекламе?

— Когда мне один мой «приятель» предложил сняться у него в рекламе за 50 долларов, я его прямым текстом отправила... на Московский вокзал. У каждого актера есть статус, и если ты меня выбрал для рекламы, то плати деньги, и очень большие, — даже больше, чем в кино. За 50 долларов — умирать буду от голода, но сниматься не буду никогда. За эти деньги меня можно только унизить, что он благополучно и попытался сделать.

— Года два назад ты говорила, что хотела бы попробовать себя в роли автора и ведущей телепередачи об актерах. Об их повседневной жизни. Но не так, как это делается в программах «СМАК» или «Пока все дома»...

— Было такое желание, но я не умею найти для себя, как теперь говорят, спонсора, продюсера, чтобы все это воплотить... А это была бы программа о моих подружках, чисто женская передача. Заглянуть в чужую жизнь — это всегда любопытно. Можно поговорить и о диетах. Я столько в жизни диет перепробовала... Но лучшая диета — «Спасибо, нет».

— Тогда и лучший способ борьбы с алкоголизмом — не подшивка, а тоже «спасибо, нет»?

— Ну, нет. Алкоголизм — это заболевание. Одни имеют силу воли, а другим при виде бутылки уже ни до чего: ни до семьи, ни до детей... Часто бывая на фестивалях и смотря теперь на все абсолютно трезвым взглядом, я понимаю: пьяная женщина — это ужасно. Говорю это не потому, что стала вдруг такой правильной. Это же омерзительно, когда она одно и то же повторяет, ее красное лицо, озлобленность, какая-то экзальтация... Я опять же говорю это без всякой злобы, просто констатирую. Это же страшная болезнь. Я искренне желала от нее избавиться в 25 лет. Я давала маме обещания, ходила в церковь, разговаривала со священником, я клялась... но через два дня опять напивалась. Мне тогда Никита Михалков говорил: «Ты в Одессе вчера выпила, а мне сегодня в Москве уже рассказали, что тебя видели опять пьяную». А ведь не все люди доброжелательные, не все добрые. В нашей профессии особо. Обязательно донесут и в четыре раза привруг. Режиссеры все это видят и слышат. Так зачем им связываться с такой, от которой не знаешь, чего ждать завтра?

Я абсолютно убеждена, что все плохое происходило у меня в жизни только под влиянием алкоголя. Потому что выползал мой двойник, чудовище. Поэтому хорошие, достойные люди проходили мимо меня. Наверное, если бы я бросила пить раньше, то моя жизнь — и чисто профессиональная, и человеческая — сложилась бы удачнее.

— Лариса, извини за бестактный вопрос: сколько тебе лет?

— 36. А я, кстати, никогда этого не скрывала и не понимала женщин, которые маскируют свой возраст. Чего скрывать-то? Дуры и все. Когда говорю, сколько мне лет, все только удивляются. Наверное, только потому и выглядишь хорошо, что жизнь тяжелая. А то — «ах, американские кинозвезды!». Пожили бы они в наших гостиницах с тараканами да пауками в какой-нибудь очень Средней Азии, где воду дают раз в два дня, кормят незнамо чем... А когда 40 визажистов, дом о 80 комнатах, «джакузи» прямо на съемках... У меня от ихней «звезды» только одно: могу иногда поспать, сколько мне необходимо.

— Говорят, у тебя плохо со зрением?

— Да как у всех, кто много снимается, роговица сожжена. На операцию пока идти не хочу. А потом жизнь сейчас такая, что лучше на нее смотреть так, через туман. Все кажутся такими красивыми... И кроме того, у меня с детства хорошее обоняние. Я могла по запаху определять, кто у нас дома был в гостях. Мама всегда говорила, что я наполовину собака. Так что, пока есть нюх и слух... жить будем.

Вадим ВАДИМОВ